

Затянувшаяся агония

В самом центре Москвы, наискосок от Колонного зала стоит театральное здание. Когда-то здесь выступал Шаляпин в спектаклях Частной оперы Саввы Мамонова. Позднее в помещении бывшего Солодовниковского театра работала Опера Сергея Зимяна, а затем оно перешло филиалу Большого. В конце 50-х волонтерским актом «верхов» здание у Большого было отторгнуто и передано Театру оперетты. Не первый год уже длится тяжба за возвращение его прежнему хозяину, обсуждаются различные варианты переселения. Но, кажется, никак еще впрямую не ставился вопрос: а имеет ли вообще этот театр в своем нынешнем состоянии право на существование?

Московская оперетта агонизирует уже давно. За последнее десятилетие здесь случались в лучшем случае полуудача, да и то весьма редко. Укоренившаяся традиция «съедать» главных режиссеров постепенно привела труппу, в которой, кстати сказать, немало людей одаренных, к профессиональной расхлябанности.

Сколько раз уже я горючил себе после очередной премьеры этого театра: все, хватит, ноги моей больше здесь не будет, ибо сей творческий организм болен неизлечимо. Но проходило какое-то время — и зарок нарушался. Думалось: а вдруг.

Года полтора назад немало удивила новость, что молодой способный режиссер Юрий Борисов ушел из Камерного музыкального театра в Оперетту с приделом на «главного». Уйти от Покровского и — куда? И вот — первая премьера Борисова: «Клош» по В. Маяковскому на музыку Д. Шостаковича (либретто Ю. Борисова, музыкальная редакция Л. Десятникова).

Поначалу казалось, что на эту сцену ворвалась современная театральная эстетика. Правда, трудно было отделаться от впе-

чатления, что все это уже где-то видел. Однако чем дальше, тем больше на сцене воцарялись традиционные для этих стен рутина и пошлость. Не отличие пошлости, нет. Сама она в натуральном виде составила суть спектакля, его дух. Единственным, кто вносил — или по крайней мере пытался внести — в спектакль какое-то подобие искусства, был ленинградский артист Виктор Кривонос в роли Присычкина, которого, очевидно, не успел еще подчинить себе дух московского театра.

И все время на протяжении спектакля меня не оставляло чувство недоумения. Зачем пришел сюда Борисов? Спектакль ответа на это не дает.

Трудно сказать, как сложится дальнейшая судьба режиссера в этом театре. Станет ли он «главным» или не станет, «съедят» ли его, как почти всех предшественников, или нет? Впрочем, с ним уже произошло нечто гораздо худшее: его ассимилировали.

В последние годы часто звучит совершенно верный, на мой взгляд, тезис: театры должны естественно рождаться и умирать, а не искусственно удерживаться «на плаву». Что до рождения, то тут мы, кажется, уже достаточно преуспели, а вот насчет «умирать»... Сколько же в одной только Москве театров, которым не в силах помочь никакой врач, — разве только выдать свидетельство о смерти. Не пора ли поступить с ними так же, как поступили с некоторыми периферийными: распустить труппу и поручить режиссеру, делом доказавшему уже свое право на лидерство (неужели нет таких в стране?), набрать ее заново, но на контрастной основе — конечно, используя при этом и дееспособный потенциал прежней труппы. Может быть, с Оперетты как раз и начать?

Дмитрий МОРОЗОВ.

Джарн и сине (прим. к "Сод. Кривонос" - 1980 - 27 стр (439) - с. 5